

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

чены все суждения в Государственном Совете бывшие и в журналах одного помещенные. — Между прочим заключаются в сей бумаге следующие два обстоятельства: а) что чиновник 14 класса Коноплев употреблен был по секретной части, в) что Государственный Совет положил иметь за сочинителем Пушкиным секретный надзор.

«Не считая приличным упоминать о сем в высочайшем повелении, которое по заведенному порядку не только будет гласно в правительствующем Сенате, но и передано из одного будет для исполнения в уголовную палату, — я полагаю не вносить в сию бумагу означенных двух предметов; а касательно Пушкина сообщить высочайше утвержденное положение Государственного Совета отдельно г. главнокомандующему в С.-Петербурге и Кронштадте, приложив и выписку из дела о том, что до Пушкина относится.

«Сообщая о сем вашему превосходительству для исполнения, имею честь быть с совершенным почтением

вашего превосходительства покорнейший слуга

граф В. Кочубей.

Главнокомандующий граф Толстой был уведомлен отношением за № 500 от 13 августа 1828 года. В этой бумаге Пушкин был поименован «известным стихотворцем нашим».

13 же августа Государственная Канцелярия препроводила отношение и управляющему министерством юстиции для исполнения высочайшего повеления по делу Леопольдова. 20 августа состоялось определение Сената, и 27 августа дан Указ в новгородскую палату.

Любань. Декабрь 1908.

3. Николай I в дневнике Пушкина.

(Из комментариев к дневнику Пушкина).¹

Дневник Пушкина... Первое впечатление: скупость, осторожность и сдержанность автора. Скупость—обычная, Пушкинская, а сдержанность—чрезмерная, почти граничащая с объективизмом. Об интимной, внутренней жизни—ни слова. Молчит Пушкин и о творческой своей жизни, роняя две-три фразы о своих произведениях в связи с их внешней историей (цензурой, появлением в печати). Пушкин заносит в дневник только наблюдения над окружающей жизнью и собирает осколки прошлого в рассказах своих современников. Но и наблюдения Пушкин записывал с щепетильной осторожностью. Предназначал он свои записки для потомства, но боялся, что они попадут

¹ Эта статья была предпослана изданию «Дневника Пушкина», под ред. и с объяснит. примечаниями Б. Л. Модзалевского, СПб. 1923.

в руки современников, а потому сдерживал себя. Заносил в дневник тот или иной факт, Пушкин обычно ни одним словом не договаривался о своем отношении к нему. Оценок почти нет. Фактическая насыщенность дневника и отсутствие оценок лишают возможности даже поставить вопрос о действительных взглядах автора. Но если Пушкин не сообщает нам, как он относится к описываемой им действительности, это еще не значит, что у нас отнята возможность определить его отношение к отмеченным в дневнике лицам и событиям. Задача, конечно, усложняется, и к ее решению нужно идти не всегда легким путем анализа. Оставляя дневник потомству, Пушкин преследовал исторические задачи, но историческое дело он творил, как художник.

Но все, что видел и слышал вокруг себя Пушкин, заносил он в дневник; он выбирал факты, и изучение самого процесса отбора может привести нас к уяснению взглядов самого Пушкина, его отношения. Когда Пушкин заносил ту или иную деталь на память потомству, он смотрел на нее, как на деталь картины, которую нарисует в будущем на основании записей дневника или он сам, или неведомый читатель и исследователь. Для выяснения взглядов Пушкина необходимо всякой записанной Пушкиным детали отыскать место в картине. Мы должны оправдать надежды, которые Пушкин возлагал на потомство, оставляя ему свой дневник; мы должны под лаконичными, скупыми и нарочито объективными сообщениями дневника разгадать настоящие намерения автора, открыть его мысли и чувства при созерцании окружающей его действительности.

До нас дошел не весь дневник Пушкина. То, что печатается теперь, воспроизводит рукописную тетрадь Пушкина № 2; тетрадь № 1 нам неизвестна. Но зато известный нам текст охватывает самые глухие годы в жизни Пушкина,—годы, о которых мы располагаем самым скудным биографическим материалом. И современных свидетельств, и документальных данных об этой поре жизни Пушкина меньше, чем о каком-либо другом периоде его жизни. Поэтому дневник Пушкина приобретает существеннейшее значение для биографии поэта. И значение его прежде всего в том, что он дает широкий фон для изображения общественной, светской и придворной жизни, которую жил поэт. Историческую ценность этого фона мы можем оценить только теперь, когда произведена огромная работа по комментированию имен, событий, намеков, углубившая этот фон и придавшая ему выпуклость. После работы Б. Д. Модзалевского нам легче разбираться и в вопросе о том, как оценивал действительность сам Пушкин, который, как будто принципиально, почти не высказывал своих оценок в дневнике.

Если разбить записи дневника на категории по их содержанию, то по числу записей на первое место надо будет поставить сообщения о жизни двора и об императоре Николае.

И понятно: Николай, двор, придворная жизнь в эти годы заняли виднейшее место во внешней жизни Пушкина, и не только во внешней. Поэтому представляется не лишней интереса и поучительности попытка произвести изучение и анализ всех высказываний дневника о Николае I и на основании этого анализа определить отношение Пушкина к деятельности и личности Николая. А вопрос об отношении поэта к царю—один из кардинальных в биографии Пушкина; то или иное его решение не маловажно и для разрешения вопроса о политических взглядах Пушкина в 30-е годы, вновь привлечшего внимание исследователей в наше время (работа П. Н. Сакулина о Пушкине и Радищеве). Правда, последние годы не принесли нам новых материалов по этому вопросу, и мы должны ждать нового освещения вопроса от нового просмотра и углубленного изучения старых материалов. Впрочем, после Октябрьской революции современный исследователь находится в выгоднейшем положении по сравнению с работавшими до революционной эпохи. Я хочу сказать: с того момента, как русское самодержавие отошло в область истории, мы стали свободны от всех «предрассуждений», которые висели над мыслью ученого и исследователя. Достаточно привести в пример историю выяснения политического мировоззрения Пушкина: выводы многочисленных писателей, исследовавших этот вопрос, в последнем счете определялись не анализом материала, а общественными и политическими взглядами самих исследователей. Не было политической группы, которая в тех или иных работах своих предшественников не присваивала бы себе Пушкина. Консерваторы готовы были считать его своим вождем, а либералы и радикалы вступали с ними в борьбу и отвоевывали Пушкина. Строгое, спокойное историческое расследование становится возможным только теперь, когда тот или иной ответ на вопрос, был ли монархистом Пушкин, искренне ли он был предан самодержавию и т. д., не огорчит исследователя и не даст потускнеть облику Пушкина.

Вопрос об отношениях царя к поэту требует всестороннего рассмотрения. Легенду об исключительном отношении Николая к Пушкину можно теперь сдать в архив. Двойственный характер отношений Николая I окончательно выяснен. Царь был невысокого мнения о Пушкине и как о поэте, и как о человеке; искусством его он интересовался в той мере, в какой оно могло служить выставкой его двора; сам Пушкин представлялся ему человеком незначительным и неприятным, требовавшим постоянного за собою надзора; убеждения Пушкина никогда не внушали Николаю полного доверия, что там ни писал Пушкин. Но в этих настоящих своих взглядах на поэта царь открывался только в кругу своей семьи и ближайших своих приспешников—друзей-слуг. Даже воспитатель сына Жуковский не догадывался о них и с восторженной болтли-

востью распинался о необычайных качествах царского интеллекта и о необычайном благоволении царя к Пушкину, в которых он почтил высокий талант, и т. д. Но как раз именно такое представление о Николае и легло в основу отношений Пушкина к царю. «Во мне почтил он вдохновенье, освободил он мысль мою, и я ль, в сердечном умиленье, ему хвалы не воспую». И по мере сил и возможностей благодарный и искренний Пушкин пел хвалу: «Он бодро, честно правит нами; Россию царь он оживил войной, надеждами, трудами...» Или: «Новый царь, суровый и могучий, на рубеже Европы бодро стал...»

Таковы все официальные высказывания Пушкина о царе. На их основании приходили к заключению, что Пушкин высоко, даже недостижимо высоко ценил Николая и как государя, и как человека, и был обязан ему искренней и почтительной преданностью верноподданного. Высказывания Пушкина сомнений не вызывали, и такую формулировку взглядов Пушкина на Николая следует считать общепринятой. Но достаточно ли обоснован этот вывод? То, что Пушкин говорил о Николае в поэтических своих произведениях и в официальных обращениях, конечно, имеет один смысл, одно толкование, но и об Александре I поэтические характеристики Пушкина, напечатанные при его жизни, допускают одно толкование — «народов друг, спаситель их свободы», — но в то же время в своих черновых тетрадях Пушкин хитро зашифровывал иные характеристики: «властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно иригретый славой...» Если об Александре зашифровывал, то как же ему было фиксировать мнения о Николае, хотя бы на тот момент отходившие от официальных! И далее: десять с лишним лет длились личные отношения поэта к царю, — неужели же от начала до конца они были равными, и в них не было никакой эволюции? Процесс развития взглядов Пушкина на царя и отношений к нему тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа самодержца и государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти, с развитием политического мирозерцания. И в этом процессе мощнейшей, меняющей силой была сама действительность, которая даже через самые розовые очки показывала себя в настоящем свете.

В 1825—1826 годах Пушкин совершил переход от вольнодумия своей молодости к освященным традициями теориям отечественного патриотизма. В этом патриотизме не без напряжения, но со всею искренностью он укреплял себя и дошел уже до покаянного состояния, до мучительных раскаяний в заблуждениях своей юности всех порядков: религиозных, моральных и политических. В 1831 году, под ближайшим воздействием Жуковского и придворной среды, Пушкин завершил свой переход в сторону официального патриотизма и отшлифовал свой политический символ. Ему казалось, что на этом и заканчи-

вается процесс его политического развития, и отныне ему суждено торжественное и величавое спокойствие созерцания. Но мысль продолжала биться в тенетах окружавшей действительности, и тот разумный смысл, которым Пушкин наделил свои представления о действительности, вдруг как-то неожиданно исчезал и оставлял эту действительность обнаженной от здравого смысла. Так начиналась новая стадия эволюции политического сознания. В 1833 году политическая мысль Пушкина нашла художественное воплощение в «Медном Всаднике». Здесь — в ответ на страстный, даже вернее пристрастный вызов Мицкевича — яркое и отчетливое утверждение исторического значения русского самодержавия.

Все, что было, — было правильно и не могло быть иным, но историческая правда действительности вовсе не приводит Пушкина к признанию за нею права на правду в настоящем и тем менее в будущем. Да, русское самодержавие выдолнило задачи огромной важности, но отсюда не следует, что в настоящем и будущем оно будет нужно для выполнения других, столь же важных государственных задач. Самодержавие, самовластие в себе самом несет зародыш гибели. Пушкин, — художник, наделенный историческим чутьем, — не мог не признать исторической надобности и закономерности самодержавия; но он не мог и не видеть исторической надобности и закономерности... бунта, революции. Проблема бунта всю жизнь интересовала Пушкина. Недаром в крупнейших своих произведениях он разрабатывает тему восстания. Правда, мы встречаем неоднократно резкое осуждение принципа революции, но эти внешние фразы не должны обмануть нас насчет глубокого интереса и глубоких размышлений о бунте, восстании, революции. К сожалению, пушкинисты еще не произвели очень нужной и интересной работы — сводки всех высказываний Пушкина о мятеже и восстании — не только, конечно, в законченных произведениях, но, главным образом, в черновых рукописях, а в последних для подобной работы найдется отменный материал.

Как бы Пушкин морально ни оценивал революцию и бунт, одно бесспорно: историческую ее законность он понимал и принимал. В «Медном Всаднике» против самодержавия поднимает голову мятеж; объявляет бунт против владыки тот самый раб, который под властным взглядом властелина шел к анчару; «дерзает вооружиться противу общего порядка, против самодержавия, противу царя мелкий чиновник, человек без всякой власти, без всякой опоры». (Эти выражения, в которых Пушкин характеризует идейного зачинателя русского мятежа — Радищева, как нельзя лучше приложимы к Евгению из «Медного Всадника».) Нет нужды, что робкая вспышка бунта раздавила самого мятежника. Важно то, что раб не умирает покорно у ног непобедимого владыки. «Ужо тебя!» — нависает угрозой над самодержавным деспотом. В этом «ужо тебя!» — предвестие граду-

щих русских восстаний, которые подымут против титанической власти самодержавия мелкие люди, «люди без всякой власти, без всякой опоры».

Если мы согласимся с тем, что были мгновения, когда Пушкину была ясна историческая неизбежность и законность революции, то мы должны отказаться и от утверждения, что установившееся в самом начале 30-х годов политическое мировоззрение было чуждо эволюции и оставалось неизменным до конца жизни поэта. Сохранившаяся часть дневника Пушкина начинается с записи конца 1833 года, — того года, в который поэт совершил огромную идеологическую работу, нашедшую художественное выражение в «Медном Всаднике». Выводы, сделанные Пушкиным и слегка намеченные нами, отбрасывают тень и на все записи дневника политического характера.

После этих общих замечаний переходим к изучению высказываний Пушкина о Николае в его дневнике. Пушкин наблюдал и изучал Николая в его государственной деятельности, в его придворной жизни и, наконец, в его личных отношениях к нему. Темы наблюдений были весьма щекотливы, и Пушкин в своих записях должен был быть нарочито сдержанным, должен был ограничиться только занесением в дневник фактов и событий, но воздержаться от оценок он все же не мог. И внимательный анализ его записей и редких, кратчайших, почти однословных оценок дает нам возможность нарисовать образ Николая, каким он был в глазах Пушкина, и сделать некоторые выводы об отношениях поэта к царю.

У Пушкина был свой идеал государя-вождя, героя и раба долга, склоняющегося перед законом и интересом государственным. Государство было самодовлеющим организмом в политических представлениях Пушкина, государство было больше народа, а государь для народа был существом почти мифическим. В дневнике Пушкина отмечен разговор с великим князем Михаилом Павловичем по поводу фразы «Северной Пчелы» о пребывании царя в Москве. «Государь император с высоты Красного крыльца низко (низко!) поклонился народу... Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими». Михаил Павлович обругал журналиста дураком: «Не забудь, что это читают лавочки» — добавил он Пушкину. «Великий князь прав, а журналист, конечно, глуп» — резюмировал рассказ Пушкин. Немыслимо, по мнению Пушкина, невозможно представить царя низко кланяющимся народу, точно чего-то заискивающим у него, царя-повелителя по преимуществу, царя владыку, посылающего своих рабов к древу смерти. Царь выше народа, выше человеческих страстей, царь — существо, близкое к божеству. Таков идеальный государь.

Конечно, идеальный царь — создание поэтического воображения Пушкина, в действительности таких царей никогда не

существовало, и менее всего подходил под понятие идеального царя Николай. Сжатые записи в дневнике Пушкина показывают, что Николай не годился в идеальные пушкинские цари. Эпоха, в которую развертывалась деятельность Николая, охарактеризована сжато и выпукло: время бедное и бедственное. Блеск и роскошь двора не обманули Пушкина, и он не проглядел голодающей России, и поэтому резким укором Николаю звучит фактическая—без всяких оценок—запись об огромных суммах, отпущенных по приказанию Николая высшим сановникам,—Кочубею и Нессельроде,—на прокормление их голодающих крестьян. «У Нессельроде и Кочубея будут балы,—что также есть способ льстить двору»—записывает Пушкин. «Что скажет народ, умирающий с голода?»—спрашивает в дневнике Пушкин, записывая, что праздников по случаю совершеннолетия наследника будет на полмиллиона. Колоссальная по тому времени сумма!

Пушкин осуждает Николая за назначение Сухозанета, запятнанного человека, на пост главного директора Пажеского и всех сухопутных корпусов и Дворянского полка. «Государь»—с иронией замечает Пушкин,—«видел в нем изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в Доме инвалидов». Пушкин отрицательно относится к поведению Николая в деле Бринкена, проворовавшегося гвардейского офицера и курляндского дворянина. Николай изъясил его из общей судимости и отдал на суд курляндскому дворянству. Пушкина возмущает своевольное деление в общеуголовном деле подсудимых на офицеров и чиновников, дворян и не дворян. «Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства?»—записывает в дневнике Пушкин. Эта запись не может не поражать нас крайней наивностью, которая находит объяснение лишь в крайней теоретичности идеалистических представлений Пушкина о государе. Пушкин следил за делом Бринкена, и когда дворянство отказалось судить Бринкена, с чувством известного удовлетворения записал: «Вот тебе (т. е. Николаю) шиш, и поделом». Но с идеалистическим представлением о царе в Пушкине уживалось чувство дворянской оппозиции; монарх, ничем не ограниченный, ограничивался во взглядах Пушкина какими-то обязанностями в отношении своем к дворянству. Когда в 1834 году был опубликован указ, ограничивающий срок пребывания за границей русских подданных, находящихся в чужих краях, Пушкин отметил: «Указ есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III». Дворянские тенденции Пушкина также поразительны по своей наивной мотивировке. Нельзя не вспомнить записанного в дневнике разговора с великим князем Михаилом Павловичем о дворянстве. В 1832 году было издано постановление о почетном гражданстве. Великий князь был против этого постановления, находя, что не нужно закрывать доступа в высшее сословие государства и насаждать третье сословие, «сию вечную стихию

мятежей и оппозиции». Пушкин с горячностью возражал Михаилу Павловичу; он указывал, что или дворянство не нужно в государстве, или доступ в него должен быть затруднен и предоставляем всякий раз только по воле государя. А относительно опасений великого князя за возникновение третьего сословия Пушкин разразился тирадой: «Что касается до tiers état, — что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью против аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько же их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много». Политическая наивность Пушкина кажется нам безмерной, и ошибка Пушкина бьет нам в глаза; но Пушкину его теория насчет старого дворянства была дорога психологически, она до известной степени скрашивала его социальную беспомощность. Считая старое дворянство настоящим оплотом нации и государства, Пушкин готов был придавать революционный характер действиям абсолютной власти, направленным против старого дворянства, готов был считать всех Романовых революционерами и уравниателями. «Tous les Romanof sont révolutionnaires et nivelleurs». Это положение столь далеко отстоит от действительной истории всех Романовых (за исключением Петра), что мы видим себя вынужденными принять эту фразу, сказанную Михаилу Павловичу, за своеобразный комплимент. Пушкин чувствовал себя обиженным в своем гражданском бытии политикой Николая I, который не поддерживал якобы старых дворянских родов и опирался на знать. Он был оскорблен, как дворянин.

О государственном творчестве Николая Пушкин ничего больше не мог записать в своем дневнике. Но с высот государственного строительства Николай I спускался под сень административных работ, работ по управлению. Несколько выразительных штрихов о Николае-управителе Пушкин оставил в своем дневнике. Сообщая факты, Пушкин не делает никаких к ним комментариев, но подбор фактов, а иногда самый способ их изложения подчеркивает смешные стороны в царе. «Парад как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал голопом вместо рыси». Не для назидания и поучения о великом царе занес Пушкин этот эпизод в дневник, а несомненно на некоторое позорище. Смешной тенью проходит Николай и в большой записи Пушкина о смерти Кочубея. Кочубей был в полном смысле ничтожным человеком. Пушкин приводит красноречивую эпиграмму на Кочубея, по всей вероятности, принадлежащую его перу: «Что в жизни доброго он сделал для людей, не знаю, чорт меня убей». Но смерть такого ничтожества вызвала неожиданный эффект. «Она произвела

сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову». Этот контраст умершего ничтожества с одной стороны и неутешного государя и министров, повесивших головы, с другой — производит комическое впечатление. Смешна фигура Николая и в рассказе Пушкина об аресте цензора Никитенка за пропуск перевода Деларю из Гюго: Николай защищает православие... от нападений Деларю и Смирдина. «Отселе буря».

С новой стороны показан Николай в записях Пушкина об его участии в разрешении семейных скандалов своих придворных. Безобразова, измученная ревностью мужа, бросилась к царице с просьбой о разводе. «Государь сердит. Безобразов под арестом». Николай вообще любил входить в семейные дела окружающих. Пушкин записывает в дневнике о неосторожном или даже скандальном поведении княгини Суворовой. «Царица ее призвала и побранила, царь еще пуще». Николай пользовался репутацией верного хранителя семейного очага, но обстоятельствам эта репутация мало соответствовала. Почти для всех монархов и для Николая в том числе фрейлины двора были лакомым плодом. О так называемых «васильковых дурачествах» Николая у нас есть кое-какие сведения, но до революции об этой стороне жизни Николая почти нельзя было писать. Едва ли не об одном из таких васильковых дурачеств рассказывает Пушкин в записи об ухаживаниях Николая в Москве в 1834 году за московскими красавицами и московскими актрисами. К этой записи Пушкин переходит сейчас после упоминания о нежелании представляться царю вместе с 18-летними молокососами — камер-юнкерами. «Царь рассердится — да что мне делать» — заканчивает Пушкин одну запись и сейчас же переходит к другой: «покамест давайте злословить». Дальше следует рассказ о московских дурачествах Николая, рассказ очень осторожный и какой-то незаконченный. Но Пушкин счел нужным ввести его в дневник.

От общих впечатлений Пушкина переходим к впечатлениям личного общения с царем. Записи Пушкина о внешнем обхождении Николая не содержат материала для отрицательной характеристики царя. Пушкин, описывая бал в Аничковом, о царе заметил: «Очень прост в своем обращении, совершенно по домашнему». Пушкин несколько раз видел царя на балах, разговаривал с ним. О разговорах он записывает в дневнике, но кратко и сжато. Стоит отметить запись 28 февраля 1834 года: «Государь на бале в концертной долго со мною разговаривал; он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения». Этот, сравнительно весьма скромный отзыв об ораторских достоинствах Николая дает повод к заключению, что это была первая большая беседа поэта с царем: как будто в первый раз он имел случай заметить обращающие на себя

внимание только при долгом разговоре особенности речи. В дневнике есть упоминания и о других разговорах с царем, имевших место до этой беседы, но, надо думать, это были кратковременные разговоры, в которых Николай больше спрашивал, но не говорил, а Пушкин больше отвечал. Разговоры Пушкина с Николаем шли об истории Пугачева и кончились выдачей Пушкину в ссуду на печатание книги 20.000 рублей. «Спасибо» — замечает по этому поводу Пушкин. А замечания Николая, с которыми была возвращена рукопись Пугачева Пушкину, поэт оценил в дневнике, как «очень дельные». К сожалению, эти замечания нам неизвестны, хотя рукопись, бывшая в руках Николая, повидимому, нам известна. Но, по всей вероятности, письменных замечаний и не было: Бенкендорф вызвал Пушкина и вручил ему рукопись с царскими замечаниями, которые он мог передать ему и изустно. Если это предположение верно, то еще вопрос, принадлежали ли «очень дельные» замечания Николаю или какому-либо специалисту из III Отделения. К сожалению, Пушкин не изменил себе и дал сжатую запись — и без всякой оценки — о другом случае возвращения рукописи с замечаниями государя. Речь идет о «Медном Всаднике». О том, как должны были возмутить Пушкина критические замечания о «Медном Всаднике» (все равно, от кого они шли — от самого царя или от III Отделения), мы можем судить теперь, анализируя все вымарки на рукописи и пометы, указывавшие на необходимость изменений: изменения требовались такие и в таком количестве, что Пушкин, попробовав сделать их, отступился и предпочел хранить рукопись в своем письменном столе. А в дневнике он не обмолвился по поводу замечаний ни одним словом оценки, ограничившись кратким резюме, которое могло бы навести на мысль, что ему дороже художественных были материальные задания: «Все это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным». За этой прозаической записью скрыты муки художника, созерцающего процесс порчи лучшего его произведения. Нельзя сказать, чтобы общение с Николаем, читателем и цензором произведений поэта, могло оставить в Пушкине впечатление положительное. Но была и еще одна сфера общения с царем — придворная: здесь выступали — во главе двора — монарх и его придворный слуга.

Пожалование в камер-юнкеры нанесло неизгладимую обиду Пушкину и сыграло крупную роль в эволюции личного его отношения к царю. Об этом с выпуклой яркостью свидетельствует дневник. Заноса 1 января 1834 года о пожаловании в придворный чин, Пушкин сразу же отмечает действительный мотив высочайшего благоволения — желание Николая видеть на придворных балах Наталью Николаевну. Но, удовлетворяя своему желанию, Николай ставил Пушкина в смешное положение

ние. Для камер-юнкерства 35-летний Пушкин уже вышел из годов. Смешную сторону пожалования не мог не видеть сам Николай, видел ее высший свет и остро ощущал сам Пушкин. «Довольно неприлично моим летам», — записал 1 же января Пушкин и через несколько строк попытался определить впечатление, произведенное царской милостью. «Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством?» — записывает Пушкин и тут же, как будто забыв, что он написал несколькими строками выше, приводит свой ответ на этот вопрос, — тот единственный ответ, который он мог бы дать публичным вопрошателям: «доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным». Но себя таким ответом Пушкин не мог обмануть и, чувствуя его слабость и неискренность, отмахнулся от вопроса иначе: «а по мне, хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике». Может быть, прямого намерения сделать Пушкина смешным у Николая не было, но так вышло: Пушкин был поставлен в смешное положение в глазах общества. Пушкин записал в свой дневник свой ответ на поздравление великого князя Михаила Павловича: «до сих пор все надомной смеялись, вы первый поздравили». И Пушкин вменил в вину своему монарху пожалование в камер-юнкеры и не мог забыть и простить раны, нанесенной его самолюбью. Не мог не вменить, потому что знал, что Николай видел и сознавал всю неловкость своего поступка с Пушкиным. Царь сказал княгине В. Ф. Вяземской: «Надеюсь, что Пушкин хорошо принял свое назначение, до сих пор он держал свое слово, и я доволен им». Эту фразу Пушкин занес в свой дневник, но цена этой фразы в его глазах была ничтожна. Пушкину она свидетельствовала только о том, что Николай сам признавал неприличие своего пожалования. Между поэтом и царем утвердилось неприязненное понимание друг друга. Царь знал о Пушкине, что ему в высшей степени неприятно и обидно придворное звание, но он немного зарвался: он не удовлетворился только одним неприличием назначения, а стал настаивать полностью и на всех следствиях, вытекавших из этого пожалования. «Оказали тебе высочайшее благоволение, пожаловали в придворный чин, — значит ты обязан благодарить, обязан выполнять скучные и смешные обязанности, налагаемые камер-юнкерским званием» — так думал Николай, но Пушкин чувствовал и думал иначе. «Государю неуютно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностию, — но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного». И действительно, Пушкин не мог пересилить себя хотя бы на выражение — внешнее и официальное — своего «благодарного» чувства. Через семнадцать дней после пожалования, на блистательном балу графа Бобринского, Пушкин имел случай говорить с Николаем,

между прочим, о Пугачеве. «Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его», — записал Пушкин.

Камер-юнкерство усилило весьма ощутительным образом зависимость Пушкина от Николая. Поэт становился подотчетным в своем частном быту. Отныне он должен был в известные дни надевать камер-юнкерский мундир и представляться ко двору, по долгу своего звания украшать своим присутствием придворные балы, соблюдать правила придворного этикета... И Николай, привязав Пушкина еще одной, новой нитью, оказался очень требовательным в мелочах. Не мало горьких минут и часов пережил Пушкин — камер-юнкер. Пушкин был глубоко задет камер-юнкерством: о степени глубокого чувства обиды, испытанного поэтом, можно заключить уже по необыкновенно частому упоминанию в дневнике о камер-юнкерстве и о неприятных тяготах, с ним связанных. Пушкин, очень скупой на записи в дневнике, на протяжении двадцати пяти (печатных) страниц возвращается к этой теме десять раз: непосредственно о самом камер-юнкерстве семь раз и три раза о событиях, им вызванных. Десять упоминаний — цифра очень почтенная для дневника Пушкина. Поэт заносит в дневник все факты своей «придворной жизни». Камер-юнкер Пушкин явился на бал в Аничков дворец в мундире, а надо было быть во фраке. Уехал назад, а Николай остался недоволен: камер-юнкер мог бы потрудиться надеть фрак и вернуться обратно. Надо сделать ему выговор. То камер-юнкер Пушкин вместо требуемой этикетом круглой шляпы придет в треугольной; то пуговицы у него не по этикету. И все это царь примечает и в строку старит. Камер-юнкер Пушкин под вербное и на вербное воскресенье не явился в дворцовую церковь — к нему летит приглашение объяснить причину своего отсутствия, и Пушкин, как мальчик, должен выдумывать извинительные изъяснения. Чтобы только не выступать в паре с молодыми камер-юнкерами на торжестве открытия Александровской колонны, поэт уезжает из Петербурга за пять дней до торжества. 6 декабря камер-юнкер Пушкин должен вкупе со своими молодыми товарищами поздравлять Николая с ангелом. Но это свыше его сил. «Низачто не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-летними. Царь рассердится, да что мне делать?» — занес поэт под 5 декабря, а затем, с чувством известного удовлетворения, записал: «я все-таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельд-егеря или Арнта: (лейб-медика).

Мелочная докуча, принесенная придворным званием, раздражала и язвила Пушкина: недаром он высчитывает в дневнике все эти нудные придирки, смехотворные, но неприятные покушения на частную независимость поэта. Пушкин сдерживался,

поверял свои чувства только дневнику, но по временам не мог ограничиться и удовлетвориться той свободой суждения, которую предоставлял ему дневник. Он давал иной исход своему чувству, и жизнь его осложнялась до чрезвычайности. Царь подымался на дыбы, и Пушкину приходилось нести поражение. В утешение себе оставалось только повторять: «Не дай бог ссориться с царями, плетью обуха не перешибешь». В апреле 1834 года почтовая цензура перехватила и представила Николаю письмо Пушкина к жене, в котором поэт отозвался в неподобающем тоне о царе: «Он хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на нового не желаю: от добра добра не ищут». Царь пришел в гнев, сгоряча даже не разобрав дела, а Жуковскому пришлось елейными увещаниями замирать раздраженного монарха. Гроза прошла мимо Пушкина, но след остался: Николай документально узнал об отношении Пушкина к его монаршему благоволению и к нему самому, и сложил в своем сердце. Но и Пушкину эпизод с письмом открыл новую, неизвестную ему черту в лице русского государя. «Какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться... Что ни говори, мудроно быть самодержавным». Николай перестает быть честным и благовоспитанным человеком в глазах Пушкина.

Нет сомнения, что и только что рассказанная история, и вообще тревожения, вызванные камер-юнкерским званием, заняли не последнее место (вернее, одно из первых) в ряду мотивов, под влиянием которых в Пушкине созрело и окрепло летом 1834 года желание порвать все отношения с царем, уйти в отставку, уехать в деревню и вернуть утраченную независимость. У поэта не хватило силы осуществить это решение, и его порыв ограничился первым шагом — подачей прошения об отставке, которое ему пришлось в условиях довольно унижительных брать обратно. История с отставкой хорошо известна. Николай милостиво разрешил Пушкину взять отставку обратно: «Я ему прощаю, но пригласите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; и что то, что могло бы быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может быть извинительно человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства». В этих словах, написанных Николаем на докладе Бенкендорфа, чувствуется раздражение, охватываемое даря, когда он в перехваченном письме Пушкина прочел упрек себе за то, что упек Пушкина на старости лет в камер-пажи. Пушкин для своих тридцати пяти лет находит неприличным камер-юнкерское звание, но не может, по мнению Николая, совершать проступки, простительные тому возрасту, который соответствует

камер-юнкерскому званию. Пусть же пенлет на себя. Об истории с отставкой в дневнике находим три строки: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором (читать надо: с царем)—но все перемололось.—Одн ако это мне не пройдет». Пушкин сделал определенный вывод об отношении к нему Николая I и не ошибся. После этого столкновения Николай стал добывать самолюбие Пушкина. Мы уже приводили запись Пушкина о том, как царь хотел прислать за ним фельдъегеря или лейб-медика, когда он не явился приносить свои поздравления. Это было после столкновения.

Кроме чисто фактических сообщений и записей о Николае I, смысл и цель которых мы теперь расшифровываем, в дневнике есть два общих суждения, которые упрятаны Пушкиным среди записей и не останавливали внимания исследователей. Но они покрывают своим значением все фактические записи. Они лаконичны, но нам известна насыщенная скупость Пушкинского стиля, и потому мы считаем нужным подчеркнуть выдающееся значение этих общих суждений Пушкина при разрешении вопроса об отношении Пушкина к царю и об эволюции его политического мировоззрения. Первое суждение—общее, о начале самодержавной власти: «Что ни говори, мудрено быть самодержавным». Второе суждение—о Николае I, синтетически представляющее резюме изучений личности Николая. «Кто-то сказал о государе: в нем много прапорщика и мало Петра Великого». Пушкин осторожно записал: «кто-то сказал». Этот кто-то очень близок Пушкину, он не стал бы цитировать, если бы не сочувствовал ему, этот кто-то, конечно,—сам Пушкин. И когда Пушкин 21 мая 1834 года заносил суждение о Николае в свой дневник, не вспоминал ли он с горечью стихи, писанные им 22 декабря 1826 года?

Семейным сходством будь же горд,
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд
И памятью, как он, незлобен. 7.

Во всяком случае, это пожелание поэта надо сопоставлять с тем выводом, который был сделан Пушкиным в 1834 году из сравнения Николая с Петром. Все записи дневника о Николае I свидетельствуют о том, что царь не удовлетворил пожеланию Пушкина и не обнаружил того сходства с Петром, которого желал ему Пушкин. Смешно и странно сопоставлять с обоготворенным Петром «Медного Всадника» — монарха-прапорщика.

Нам кажется, — анализ записей Пушкина о Николае I в дневнике дает нам возможность сделать заключение, что принятое биографами и исследователями Пушкина представление об отношении Пушкина к царю не соответствует действительности.

В 1833—1834 году Пушкин проявил критическое отношение к Николаю и как к монарху, и как к человеку, и трезво посмотрел на державца полумира. Положительное и восторженное отношение к Николаю сменилось отрицательным. На месте великого государя оказался прапорщик, а на месте человека-героя оказался мелкий человек, ограниченный и узкий, злобно-памятливый.

4. Последнее свидание в 1836 году.¹

(Новое о дуэли.)

I

После работ, опубликованных мною в 1927 году,² можно считать установленным, что анонимный пасквиль—роковой повод к последней дуэли Пушкина с Дантесом—ставил в оскорбительную связь имя жены поэта с именем императора Николая. Текст диплома ясно говорит об этом: «Кавалер первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена. Непременный секретарь граф И. Борх». Нарышкин—муж долголетней возлюбленной императора Александра, Марья Антоновна. Утверждая Пушкина в звании историографа ордена рогоносцев и помощника великого магистра, составитель диплома язвительно указывал на то, что Наталья Николаевна Пушкина была в столь же близких отношениях к Николаю Павловичу, как Марья Антоновна к Александру Павловичу. Пусть Наталья Николаевна была только мнимой фавориткой, но Пушкин и чувствовал, и боялся, что всеильный самодержец в один прекрасный день пожелает склонить и склонит стыдливую красоту на монаршее ложе. В дипломе упомянуто и третье имя—непременного секретаря ордена рогоносцев графа Борх. Жена графа И. М. Борх отличалась легкостью своих нравов; по смыслу диплома, и у нее должны были быть «августейшие» отношения, но твердых и определенных свидетельств в нашем распоряжении не было. Быть может, наш вопрос и недоумения разрешает следующий отрывок из письма А. О. Смирновой к графине Е. П. Ростопчиной. Письмо это ускользнуло от внимания и моего, и других исследовате-

¹ Напечатано впервые в журнале «Огонек», 1928, № 24. Последний раздел статьи появляется здесь впервые.

² «Анонимный пасквиль и враги Пушкина» в третьем издании моей книги «Дуэль и смерть Пушкина» Госиздат, 1927; см. также мою статью в «Огоньке» (№ 42, 16 октября 1927 года)—«Кто писал анонимные письма Пушкину?»